

пера, состоялось 20 лет назад в России, когда она прочла в русской газете, присланной им из Австралии, сообщение о попытке создания в Северной Территории русского поселения), рассеянного по различным австралийским изданиям и бережно собранного Е. Говор, позволил ей сделать весьма лестный для выходца из России вывод: он спасал честь австралийской нации. По ее словам, «в Леандро, служившем в Австралии простым рабочим и умершем в забвении, под невзрачной внешностью скрывался талант выдающегося демократического писателя, которым может гордиться Австралия» (С. XXII).

Когда Ильин-отец покидал в 1920 г. Австралию с женой и младшими детьми, Ильин-сын, Леандро, оvdевошедший к тому времени, не последовал за ними, так как не мог оставить на произвол судьбы сына своей жены (к которому относился как к родному) – его, стопроцентного аборигена, не выпускали из страны.

Е. Говор поставила перед собой сложную задачу – воссоздать историю жизни одной семьи, покинувшей в начале XX в. русскую землю и разросшейся к концу века до 300 человек. Представители этой семьи, рожденные от смешанных браков, живут ныне в Австралии, Гондурасе, США. Следует сказать, что автор блестяще с этой задачей справилась. Встреча с потомками Н. Ильина, оставшимися в Австралии, позволила ей познакомиться с бережно хранимыми его внуками – детьми Леандро Ильина – рукописями на незнакомом им русском языке, рассказами о деде и России, услышанными ими от отца и передаваемыми следующим поколениям, словом, почувствовать в молодых семьях глубокое уважение к семейному преданию, связанному с предками – русскими и аборигенами.

Следующий этап работы автора – поиски всего, относящегося к Ильиным, в архивах и библиотеках России и Австралии: автор считала необходимым понять, какие реальные события стоят за семейными рассказами, услышанными от ныне здравствующих потомков Н. Ильина и его сына. Большую помощь в сборе материала в российских архивах о старшем Ильине оказали Е. Говор ее русские друзья и коллеги (в частности, А.Я. Массов), вовлеченная в ее искания директор краеведческого музея в Тарки (недалеко от имени в Саратовской губ., где родился Николай Ильин), а также его потомки из Гондураса (их более ста человек) и США, поделившиеся с автором семейными воспоминаниями, документами и фотографиями (вошедшими в книгу). Неоценимым при создании этой книги было, конечно, постоянное присутствие рядом с автором знатока культуры аборигенов – ее мужа В.Р. Кабо. Автор предисловия к книге, австралийский ученый К.С. Инглис, хорошо знакомый с этой супружеской четой, заметил: «Создание книги было семейным делом: антропологические знания Кабо помогли Е. Говор оживить аборигенную культуру жены Леандро Китти, матери его пяти детей, которая рано умерла, но которую он не забывал до самой смерти в 1946 г. и которую помнят их дети». Все этнографические детали повествования выписаны с предельной точностью и поэтично, как и картины австралийской природы.

С большим интересом читается раздел книги, повествующий о современной жизни потомков Л. Ильина – об их самосознании, связи с аборигенным прошлым, отношении к европейским предкам, к России, об их страсти к справедливости, унаследованной от отца и сына Н. и Л. Ильиных, приведшей их в ряды участников движения за права аборигенов в Квинсленде. То обстоятельство, что Эдди Мабо, выдающаяся личность в современной истории Австралии, был «разбужен» зятем Леандро Ильина Ричардом Хулиханом, Е. Говор комментирует такими словами: «Семена, посеянные в австралийской земле российскими бунтарями Ильиными, дали первые всходы».

Книга Е. Говор, несомненно, является серьезным исследованием уникального варианта российско-австралийских связей, изучению которых она посвятила много лет. Поведанная миру история любви сына русского дворянина и аборигенки, история их семьи, родившейся из веры в братство всех людей Леандро Ильина, имевшего мужество отстаивать свои идеалы, рождает у читателя искреннюю симпатию к персонажам этого повествования и благодарность его автору.

Е.В. Иванова

© ЭО, 2003 г., № 4

А.Ю. Рожков. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. Краснодар, 2002. Т. 1. 404 с. Т. 2. 205 с.

Первая монография доцента Краснодарского государственного университета культуры и искусств А.Ю. Рожкова вышла тиражом 220 экз. под редакцией д.и.н. С.В. Журавлева (Институт российской истории). Это серьезное научное исследование, основанное на разнообразном фактическом материале, включая недавно рассекреченные архивные фонды. Работая в центральных и региональных архивохранилищах, А.Ю. Рожков извлек и исследовал материалы 69 архивных фондов, привлек периодику того времени и обратил особое внимание на источники личного происхождения. Рецензируемая книга дает представление о духовном облике школьников, студентов и красноармейцев в Советской России 1920-х годов, их

нравственных исканиях и проблемах, их постепенной интеграции в мир взрослых. Рецензируемое издание хорошо вписывается в круг книг, освещающих повседневный быт людей той эпохи.

Под термином «жизненный мир» автор понимает «весь мир повседневности, каким он представлялся молодым людям 20-х гг.», это – «область социальной реальности, которая воспринимается как нечто непреложное, несомненное, само собой разумеющееся, обыденное» (Т. 1. С. 12). Тем самым рецензируемый труд органически входит в круг идей социально-исторической антропологии. Автор сознательно отказывается от анализа жизненного мира отдельных групп молодежи по классово-профессиональному признаку (рабочая, колхозная, сельская, вузовская, армейская молодежь и т.д.), а показывает образ «совокупного» молодого человека той эпохи. Стремясь к междисциплинарному подходу в изучении своего объекта, автор использует достижения социологии, психологии, культурологии, этнологии, фольклористики, педагогики и других смежных наук.

В результате исследования А.Ю. Рожков пришел к выводу, что «в своих основных характеристиках молодой человек тех лет практически немногим отличается от наших современников» (Т. 2. С. 191), хотя, конечно, и имеются отличия в языке, внешнем облике, уровне грамотности, «культурности» и особенно в технической оснащенности и т.д. Автор выделил два типа молодых людей 1920-х годов: а) активный, свободолюбивый, жизнеспособный и б) пассивный, покорный, конформистский, причем люди первого типа были в меньшинстве. Видимо, это деление применимо и для молодежи нашего времени.

Собранный автором источниковый материал с успехом может быть применен исследователями многих специальностей. Что касается этнографов, то они найдут в этой книге тематический анализ документированных данных о быте и повседневной жизни учеников, студентов и красноармейцев, характеристику одежды и жилища того времени, рассказ о досуге и развлечениях молодежи, новые (или позабытые!) факты о социальной жизни молодых людей тех лет. Надо сказать, что фольклорные материалы того времени привлечены автором лишь выборочно и весьма неполно и представления о молодежном фольклоре 1920-х годов они не дают.

Самое же большое упущение – отсутствие материала о городской и сельской молодежи, не охваченной учебой, а вынужденной пойти на работу в поле или на завод, фабрику, предприятие. Эта значительная по своей численности группа молодых людей той эпохи вообще выпала из поля зрения автора. Если мир детства 1920-х годов исследован автором полно и подробно, то характеристика юношей и девушек советской России 1920-х годов, не служивших в армии и не учившихся в вузах, в рецензируемой книге вообще отсутствует. При этом автор никак не оговорил и не объяснил причин этого ограничения объектов своего исследования.

Судя по перечню изученных архивных и библиотечных фондов, автор основывался на данных Центра и Юга России (Краснодарский край, Кубань, Дон). Северные и сибирские материалы автором не привлекались. Все сказанное выше свидетельствует о том, что название книги шире ее фактического содержания: в работе исследован жизненный мир только учащейся молодежи Советской России 1920-х годов, причем не всей, а лишь центральных и южных областей Европейской России.

Но даже учитывая это ограничение исследуемого материала, следует по достоинству оценить и несомненный новаторский характер исследования, и добытые автором результаты. Подходы и методы, примененные автором, позволили ему проникнуть в мало освоенное пространство «человеческой» истории того времени и предложить читателю новые данные по социальной и культурной истории России 1920-х годов, по истории повседневности и частной жизни молодежи тех лет – а ведь известно, что как раз ювенальная (молодежная) история весьма слабо изучена. Книга А.Ю. Рожкова органически входит в число работ в рамках «новой исторической науки», проблемы которой разработаны в современной историографии¹ уже достаточно глубоко.

Примечание

¹ См. об этом подробнее: *Ретина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история: Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 39–76; *Людтке А.* Что такое история повседневности? // Там же. С. 77–100 и др. работы.

Л.Н. Пушкарев